

О СВЕТЕ И ТЕНИ, ЦВЕТЕ И КРАСКАХ

Leonardo da Vinci

С. А. 250 г. а.

Тень есть лишение света

Так как мне кажется, что тени в высшей степени необходимы в перспективе, ибо без них непрозрачные и трехмерные тела плохо различимы в отношении того, что заключено внутри их границ, и плохо различимы их пределы, если только они не граничат с фоном другого цвета, чем цвет тела, то я и выдвигаю первое положение о тенях и говорю в этой связи о том, как всякое человеческое [или непрозрачное] тело окружено и поверхностно облечено тенями и светами, и на этом строю первую книгу. Помимо этого, эти тени имеют разные качества темноты, ибо они лишены разного количества световых лучей; и эти тени я называю первоначальными, потому что это первые тени, облекающие тела, к которым они прилегают; и на этом я строю вторую книгу. От этих первоначальных теней проистекают теньевые лучи, которые расходятся по воздуху и имеют столько качеств, сколько имеется различий первоначальных теней, от которых они происходят; и посему я называю их производными тенями, потому что они рождаются от других теней, и об этом я сделаю третью книгу. Далее, эти производные тени дают в своих падениях столько различных явлений, сколько имеется различных мест, куда они ударяют, и тут я сделаю четвертую книгу. А так как падение производной тени всегда окружено падением световых лучей, которое отраженным током отскакивает обратно к своей причине, доходит до первоначальной тени, смешивается с ней и превращается в нее, несколько изменяя ее своей природой, - то я на этом построю пятую книгу. Кроме того, я составлю шестую книгу, в которой будут исследоваться различные и многие изменения отскакивающих отраженных лучей, которые будут видоизменять первоначальную тень столькими разными цветами, сколько будет разных мест, откуда исходят эти отраженные световые лучи. Еще сделаю седьмое подразделение о различных расстояниях, которые образуются между падением отраженного луча и тем местом, откуда он рождается, и о том, сколько различных цветовых образов он в падении своем оставляет на непрозрачном теле.

Т.Р. 547.

Тень происходит от двух вещей, несходных между собою, ибо одна из них телесная, другая духовная. Телесной является затеняющее тело, духовной является свет. Итак, свет и тело суть причины тени.

Т.Р. 548.

Тень имеет свойство всех природных вещей, которые в своем начале являются более сильными, а к концу ослабевают; я говорю о начале всякой формы и всякого видимого или невидимого качества, а не о вещах, которые время приводит от малого начала к большому разрастанию, как, например, дуб, имеющий слабое начало в малом желуде; тем не менее я скажу, что и дуб наиболее силен в своем зачинании из земли, именно там, где он наиболее толст. Итак, мрак есть первая степень теней, а свет последняя. Поэтому ты, живописец, делай тень наиболее темной у ее причины, а конец ее пусть

переходит в свет, то есть так, чтобы тень казалась не имеющей конца.

Т.Р. 549.

Тень есть отсутствие света и лишь противодействие плотного тела световым лучам. Тень имеет природу мрака, а освещение - природу света, одна скрывает, другое показывает; и всегда они неразлучны и связаны с телом. Тень имеет большую силу, чем свет, ибо тень препятствует свету и целиком лишает света тело, а свет никогда не может совершенно изгнать тень от тел, то есть тел плотных.

Т. Р. 557.

Простая тень та, которую не может видеть никакая часть источника света, а сложная тень та, в которой к простой тени примешивается какая-нибудь часть света производного.

Т.Р. 558.

Сложная тень есть та, которая в большей мере причастна затеняющему телу, чем источнику света. Сложный свет есть тот, который в большей мере причастен источнику света, чем затемняющему телу. Таким образом, мы скажем, что сложные свет и тень получают свое название от той вещи, которой они наиболее причастны, то есть: если нечто освещенное видит больше тени, чем света, то про него скажут, что оно одето в сложную тень, если же оно в большей степени будет одето источником света, чем затемняющим телом, то, как уже сказано, оно будет называться сложным светом.

Т.Р. 569.

Бывает три сорта теней. Первая рождается от одностороннего источника света, как солнце, луна или пламя, другая - та, что происходит от окна, двери или другого отверстия, откуда видна большая часть неба; третья - та, что рождается от всестороннего света, какой бывает в нашей полусфере при скрытом, солнце.

Т.Р. 570.

Образы теней бывают двух сортов, из которых одна называется первоначальной, а другая производной. Первоначальная та, которая лежит на самом теновом теле, а производная та, которая падает от первоначальной.

Т.Р. 571.

Первоначальная тень едина и никогда не видоизменяется [по форме], и ее края видят края светового тела и края освещенной части тела, с которым она связана.

Т.Р. 572.

Первоначальная тень имеет две разновидности: из них первая простая, а вторая - сложная. Простая та, что смотрит на темное место, и поэтому такая тень темная. Сложная та, которая смотрит на освещенное разными цветами место. Тогда такая тень смешивается с образами цветов противостоящих предметов.

Т.Р. 573.

Существуют две разновидности производной тени, из них первая смешана с воздухом,

стоящим перед первоначальной тенью; вторая та, что падает на предмет, который перерезает эту производную тень.

Т.Р. 574.

Производная тень образует три фигуры. Первая пирамидальная, порождаемая тeneвым телом меньшим, чем световое; вторая параллельная, порождаемая тeneвым телом равным световому. Третья расходится в бесконечность. Бесконечной является также и колоннообразная, а равно и пирамидальная, так как после первой пирамиды происходит пересечение и против конечной пирамиды порождается бесконечная, если она находит бесконечное пространство. И об этих трех сортах производных теней будет сказано полностью.

Т.Р. 673.

Четыре главные части следует иметь в виду в живописи, а именно: качество, количество, место и фигуру. Под качеством подразумевается, какая тень и какая часть тени более или менее темна. Количество есть величина тени в ее отношении к другим, соседним. Место то, как их надлежит размещать и в какой час того члена тела, где они ложатся. Фигура есть, как фигуру образует данная тень, как, например, треугольная ли она или причастная кругу или квадрату и т.д.

К этим основным частям [исследования] тени следует еще причислить ее направление, то есть если тень имеет длинный вид, то в каком направлении тянется ли вся совокупность этой длины, тянется ли тень от ресницы к уху, тянется ли нижняя тень глазной впадины к ноздре, и как при подобных встречах различных направлений следует размещать эти тени. Итак, вид должен быть предпослан месту.

Т.Р. 670.

Когда ты срисовываешь какое-нибудь тело и сравниваешь силу светов в его освещенной части, помни, что часто глаз обманывается и ему кажется более светлым то, что менее светло. Причина тому порождается контрастами между соприкасающимися частями; действительно, если имеются две части различной светлоты и менее светлая граничит с темной частью, а более свет граничит со светлой частью, как, например, небо или что-нибудь подобное по светлоте, тогда менее светлая, то есть менее освещенная, будет казаться более освещенной, а более светлая покажется более темной.

Т.Р. 679.

Там, где не зарождаются очень темные тени, не могут зародиться и очень светлые света. И это бывает на деревьях с редкой и узкой листвой, как на ивах, березах, можжевельнике и подобных, а также на прозрачных тканях, как, например, тафта, вуаль и другие, и еще на рассыпавшихся, мелко вьющихся волосах. И это случается оттого, что все названные виды предметов не создают бликов в своих частицах, а если таковые там и имеются, то они неощутимы и образы их лишь незначительно сдвигаются с того места, где они нарождаются, и то же делают затененные стороны этих частей, и вся совокупность их не порождает темной тени оттого, что воздух ее проникает и освещает, будь то части близкие к середине или наружные. И если и есть различия, они почти неощутимы, и, таким образом, освещенные части всей массы не могут сильно

отличаться от затененных частей, потому что, как уже сказано, при проникновении освещенного воздуха ко всем частицам освещенные части настолько близки к затененным частям, что образы их, посылаемые глазу, образуют неясную смесь, состоящую из мельчайших теней и светов, таким образом, что в этой смеси ничто не различимо, кроме неясности, наподобие тумана. То же бывает и на вуалях, паутинах и тому подобном.

Ash. I, 14 v.

Отражения обуславливаются телами светлыми по качеству с гладкими полуплотными поверхностями, которые, если на них падает свет, отбрасывают его обратно на первый предмет, наподобие прыжка мяча.

Ash. I, 14 v.

Где не может быть светового отражения. Все плотные тела одевают свои поверхности различного качества светом и тенями. Света бывают двойкой природы: одни называются самобытными, другие - производными. Самобытным называю я тот, который возник от пламени огня или от света солнца или воздуха производным светом будет отраженный свет.

Но, возвращаясь к обещанному выше определению я говорю, что световое отражение не появится на той части тела, которая будет обращена к затененным телам, например темным местам, лугам с различной высотой травы, зеленым или безлистным лесам; хотя часть каждой ветви последних, обращенная к самобытному свету, и одевается качеством этого света, тем не менее столько теней, отбрасываемых каждой ветвью самой по себе, и столько теней, отбрасываемых одной ветвью на другую, что в сумме получается такая темнота, что света как бы совершенно нет. Поэтому такие предметы не могут дать противостоящим телам никакого светового рефлекса.

T.P. 779.

Блеск гораздо более причастен цвету того света, который освещает блестящее тело, чем цвету самого тела, и это бывает на гладких поверхностях.

Блеск многих затененных тел бывает всецело цвета освещенного тела, как, например, черного золота и серебра и других металлов и подобных тел.

Блеск листы, стекла и драгоценных камней мало причастен цвету тела, на котором он рождается, и весьма причастен цвету тела, которое его освещает.

Блеск, возникающий в глубине плотных прозрачных тел, имеет высшую степень красоты их цвета, как это видно в глубине бледно-красного рубина, стекла и подобных вещей. Это происходит оттого, что между глазом и этим блеском располагается весь природный цвет прозрачного тела.

Отраженные света плотных и блестящих тел имеют гораздо большую красоту, чем природный цвет этих тел, как это видно на открывающихся складках золотых тканей и на других подобных телах, когда одна поверхность отражается в другой, стоящей напротив, а эта в ней, и так последовательно до бесконечности. Никакое прозрачное и блестящее тело не может показать на себе тень, воспринятую от какого-нибудь предмета, как это видно на тенях речных мостов, которые всегда бывают невидимы, за исключением того случая, когда вода мутная, а на чистой они не появляются.

Блеск на предметах обнаруживается в стольких разнообразных положениях, сколько

имеется различных мест, откуда его видно.

Если глаз и предмет стоят неподвижно, блеск будет передвигаться по предмету вместе со светом, его причиняющим; если же свет и предмет стоят неподвижно, блеск будет передвигаться по предмету вместе с глазом, его видящим.

Блеск зарождается на гладкой поверхности любого тела, и та поверхность воспримет больше блеска, которая будет более плотной и более гладкой.

Т.Р. 771.

Из бликов на телах одинаковой гладкости тот будет наиболее отличаться от своего фона, который рождается на наиболее черной поверхности, и это происходит оттого, что блики рождаются на полированных поверхностях почти той же природы, что и зеркала. А так как все зеркала возвращают глазу то, что они получают от противостоящих им предметов, то всякое зеркало, имеющее предметом солнце, возвращает солнце в том же цвете. А солнце покажется более сильным на темном фоне, чем на светлом.

Т.Р. 694 f. g.

Чем больше свет освещенной вещи, тем темнее кажется затемненное тело, находящееся на его фоне.

Т.Р. 694 f. 2-5.

Открытая местность, освещенная солнцем, будет иметь очень темные тени от любых предметов, а тому, кто будет на неё смотреть со стороны, противоположной той, откуда на неё смотрит солнце, она покажется весьма темной, а вещи отдаленные покажутся ему близкими.

Но если ты посмотришь на предметы в том направлении, в каком их видит солнце, местность тебе покажется без теней, а близкие вещи покажутся отдаленными и неясными по фигуре.

Вещь, которая освещена бессолнечным воздухом, будет более темной в той части, которая видит меньше света, и будет тем больше темнеть, чем большему протяжению темного места она будет видима.

В вещах, видимых в открытой местности, тени и света мало отличаются друг от друга, и их тени будут почти незаметными и без всякого ограничения; мало того, они ближе к освещенным местам будут, наподобие дыма, постепенно теряться. И лишь там тень будет более темной, где она будет лишена противостоящего ей воздуха.

Вещь, видимая в малоосвещенном месте или при наступлении ночи, также будет иметь света и тени, мало отличающиеся друг от друга; а если наступит глубокая ночь, разница между светами и тенями настолько неощутима для человеческого глаза, что совершенно теряется фигура вещи и она видна только острому зрению ночных животных.

Т.Р. 694 f.

И ты, живописец, занимающийся историческими сюжетами, делай так, чтобы твои фигуры были настолько разнообразны в тенях и светах, насколько разнообразны предметы, их создавшие, и не придерживайся общей манеры.

Т.Р. 759.

Для усиления рельефности в картине имей привычку класть между изображенной фигурой и той видимой вещью, которая получает ее тень, луч яркого света, отделяющего фигуру от затененного предмета. А на этом предмете изобрази две светлые части, которые заключали бы между собою тень, отброшенную на сторону от противостоящей фигуры. И это часто применяй для тех членов тела, которые ты хочешь, чтобы они несколько отделялись от тела, и особенно когда руки пересекают грудь, и делай так, чтобы между падением тени руки на грудь и собственной тенью руки оставалось немного света, который казался бы проходящим через пространство между грудью и рукой, и чем больше тебе хочется, чтобы рука казалась более далекой от груди, тем большим делай и этот свет. И старайся всегда, чтобы тебе удалось расположить тела на фоне так, чтобы темная часть тела граничила со светлым фоном, а освещенная часть тела граничила с темным фоном.

Т.Р. 760.

Делай всегда так, чтобы тени от разных предметов; на поверхности тел обычно имели извилистые очертания вследствие разнообразия как членов тела, порождающих тени, так и вещей, воспринимающих эти тени.

Т.Р. 761.

Когда ты пишешь фигуру и хочешь посмотреть, соответствует ли ее тень свету, так чтобы она не была краснее или желтее, чем это свойственно природе цвета, который ты хочешь затенить, то поступай так: наложи тень пальцем на освещенную часть, и если эта сделанная тобой искусственная тень будет похожа на естественную тень, падающую от твоего пальца на твою работу, то дело обстоит хорошо. И ты можешь, отдаляя и приближая палец, вызвать тени более темные и более светлые, которые ты все время сравнивай со своими.

Т.Р. 758.

Наложи сначала общую тень на всю ту заполненную ею часть, которая не видит света, затем клади полутени и главные тени, сравнивая их друг с другом. И таким же образом наложи заполняющий свет, выдержанный в полусвете, а затем клади средние и главные света, также их сравнивая.

Ash. I, 31 v.

Где тень граничит со светом, там прими во внимание, где она светлее или темнее и где она более или менее дымчатая в направлении света. И прежде всего напоминаю тебе, что у юношей ты не должен делать ограниченных теней, какие бывают на камне, так как живое тело немного прозрачно, как это видно при рассматривании руки, помещенной между глазом и солнцем, - она видна красноватой и пропускающей свет и либо на самом деле, либо только кажется сильнее окрашенной; располагай между светами и тенями [полутени]. И если ты хочешь видеть, каких теней требует твое живое тело, то образуй на нём тень своим пальцем и в зависимости от того, хочешь ли ты ее более светлой или темной, держи палец ближе или дальше от своей картины и подражай ей.

Т.Р. 711.

То тело обнаружит наибольшую разницу между светом и тенями, которое окажется видимым наиболее сильному источнику света, как свет солнца, а ночью - свет огня. Последний следует мало применять в живописи, так как работы выходят грубыми непривлекательными. То тело, которое находится в умеренном освещении, покажет небольшую разницу между светами и тенями; и это бывает, когда вечереет или когда облачно. Такие работы нежны, и любого рода лицо получает привлекательность. Таким образом, во всех вещах крайности вредны, чрезмерный свет создает грубость, а чрезмерная темнота не позволяет видеть; середина хороша.

G. 37 r.

Все освещенные предметы причастны цвету своего осветителя. Затемненные предметы удерживают цвет того предмета, которые его затемняет.

C.A. 181 r. a.

Поверхность каждого тела причастна цвету противостоящего ему предмета. Цвета освещенных предметов отпечатлеваются поверхностях друг у друга в стольких разных расположениях, сколько имеется различных положений этих предметов друг против друга.

Ash. I, 33 r.

Если мы видим, что качество цветов познается при посредстве света, то следует заключить, что, где больше света, там лучше видно истинное качество освещенного цвета, а где наиболее темно, там цвет окрасится в цвет этой тьмы. Итак, ты, живописец, помни, что ты должен показывать подлинность цветов в освещенных частях.

Подобно тому как все цвета во мраке ночи окрашиваются ее темнотой, так и тени любого цвета находят себе конец в этом мраке. Поэтому ты, живописец, не делай так, чтобы в твоих предельно темных местах можно было различать цвета, граничащие друг с другом, ибо, если природа этого не допускает - а ты по призванию являешься подражателем природы, насколько искусство это позволяет, - не воображай, что ты можешь исправить ее ошибки, ибо ошибка не в ней, но, знай, она в тебе; поэтому, когда дано начало, необходимо, чтобы последовали и середина, и конец, согласные с этим началом.

T.P. 254.

Простые цвета таковы: первый из них белый, хотя некоторые философы не причисляют ни белого ни черного к числу цветов, так как одно является причиной цветов, а другое - их лишением. Но все же, раз живописец не может без них обойтись, мы поместим их в число других и скажем, что белое в этом ряду будет первым из простых цветов, желтое - вторым, зеленое - третьим, синее - четвертым, красное - пятым и черное - шестым. Белое примем мы за свет, без которого нельзя видеть ни одного цвета: желтое - за землю, зеленое - за воду, синее - за воздух, красное - за огонь, черное - за мрак, который находится над элементом огня, так как там нет ни материи, ни плотности, где лучи солнца могли бы задерживаться и в соответствии с этим освещать.

Если ты хочешь вкратце обозреть разновидности всех составных цветов, то возьми цветные стекла и через них разглядывай все цвета полей, видимые за ними; тогда ты увидишь все цвета предметов, которые видимы за этим стеклом, смешанными с цветом

вышеназванного стекла и увидишь, какой цвет смешением исправляется или портится.

Так, например, пусть вышеуказанное стекло будет желтого цвета. Я говорю, что образы предметов, которые идут через такой цвет к глазу, могут как ухудшаться, так и улучшаться; ухудшение от цвета стекла произойдет с синим, с черным и с белым больше, чем со всеми другими, а улучшение произойдет с желтым и зеленым больше, чем со всеми другими. И так проглядишь ты глазом смешения цветов, число которых бесконечно, и этим способом сделаешь выбор цветов заново изобретенных смешений и составов. То же самое ты сделаешь с двумя стеклами разных цветов, поставленными перед глазом, и так ты сможешь для себя продолжать.

Т. Р. 213.

Хотя смешивание красок друг с другом и распространяется до бесконечности, я все же не премину привести по данному поводу небольшое рассуждение налагая сначала некоторые простые краски и к каждой из них примешивая каждую из других, одну к одной, затем две к двум, три к трем, и так последовательно дальше, вплоть до полного числа всех красок. Потом я снова начну смешивать краски - две с двумя, три с двумя, потом - с четырьмя, и так последовательно вплоть до конца по отношению к этим первым двум краскам. Потом я возьму их три и с этими тремя соединю три других, потом шесть, и так дальше. Потом прослежу такие смеси во всех пропорциях.

Простыми красками я называю те, которые не составлены и не могут быть составлены путем смешения других красок.

Черное и белое хотя и не причисляются к цветам - так как одно есть мрак, а другое свет, то есть одно есть лишение, а другое порождение, - все же я не хочу на этом основании оставить их в стороне, так как в живописи они являются главными, ибо живопись состоит из теней и светов, то есть из светлого и темного.

За черным и белым следует синее и желтое, потом зеленое и леонино, то есть тането, или, как говорят, охра; потом морелло и красное. Всего их - восемь красок, и больше не существует в природе. С них я начну смешивание, и пусть будут первыми черное и белое; потом - черное и желтое, черное и красное; потом - желтое и черное, желтое и красное; а так как мне здесь не хватает бумаги, то я отложу разработку подобных различий до моего произведения, [где они должны быть] пространно рассмотрены, что будет очень полезно и даже весьма необходимо. Это описание будет помещено между теорией и практикой живописи.

Ф. 75 r.

Белое не есть цвет, но оно в состоянии воспринять любой цвет. Когда оно в открытом поле, то все его тени синие; это происходит согласно четвертому положению, которое гласит: поверхность каждого непрозрачного тела причастна цвету своего противостоящего предмета. Если поэтому такое белое будет загорожено от солнечного цвета каким-нибудь предметом, находящимся между солнцем и этим белым, то все белое, которое видят солнце и воздух, будет причастно цвету и солнца, и воздуха, а та часть, которую солнце не видит, остается затененной, причастной цвету воздуха. И если бы это белое не видело зелени полей вплоть до горизонта и не видело бы также белизны горизонта, то, без сомнения, это белое казалось бы простого цвета, который обнаруживается в воздухе.

Т.Р. 190 а.

Прими во внимание, что если ты хочешь сделать превосходнейшую темноту, то придай ей для сравнения превосходнейшую белизну, и совершенно так же превосходнейшую белизну сопоставляй с величайшей темнотой. Бледно-[синий] заставит казаться красный более огненно-красным, чем он кажется сам по себе в сравнении с пурпуром. Это правило будет рассмотрено на своем месте.

Остается нам еще второе правило, которое направлено не на то, чтобы делать цвета сами по себе прекрасными, чем они являются по природе, но чтобы соседство их придавало прелесть друг другу, например зеленый красному и красный зеленому, которые взаимно придают прелесть друг другу, и как зеленый синему. Есть еще одно правило, порождающее неудачное соседство, как лазурный с белесовато-желтым или с белым и подобные [сочетания], которые будут названы на своем месте.

С.А. 184 v. с.

Из цветов равной белизны тот покажется более светлым, который будет на более темном фоне, а черное будет казаться более мрачным на фоне большей белизны. И красное покажется более огненным на желтом фоне, и также все цвета, окруженные своими прямыми противоположностями.

Т.Р. 253.

Цвета, согласующиеся друг с другом, именно: зеленый с красным, или с пурпуром, или с фиолетовым; и желтое с синим.

Т.Р. 258.

Из цветов равного совершенства наиболее превосходным с виду будет тот, который будет виден в обществе прямо противоположного цвета.

Прямо противоположными являются бледное с красным, черное с белым - хотя ни то ни другое не являются цветами, - синее с золотисто-желтым, зеленое с красным.

Т.Р. 258 с.

Каждый цвет лучше распознается на своей противоположности, чем на своем подобии, например темное на светлом и светлое на темном. Белое, которое граничит с темным, делает так, что у этих границ темное кажется чернее, а белое кажется чище.

Т.Р. 190.

Если ты хочешь сделать так, чтобы соседство одного цвета придавало прелесть другому цвету, к нему примыкающему, то применяй то же правило, какое обнаруживается при образовании солнечными лучами радуги, иначе ириды. Эти цвета зарождаются в движении дождя, так как каждая капелька изменяется в своем падении в каждый цвет этой радуги, как это будет показано на своем месте.

L, 75 v.

Из не синих цветов тот на большом расстоянии будет больше причастен синему, который будет ближе к черному, и также наоборот: тот цвет сохранит на большом расстоянии свой собственный цвет, который наиболее отличен от этого черного. Поэтому зелень полей больше преобразуется в синеву, чем желтое или белое. И также

наоборот: желтое и белое меньше изменяются, чем зеленое и красное.

Т.Р. 694 f. 1.

Часть поверхности каждого тела причастна стольким различным цветам, сколько их ей противостоит.

Т.Р. 224.

То тело больше обнаружит свой истинный цвет поверхность которого будет наименее полированной и ровной. Это видно на льняных одеждах и на пушистых листьях травы и деревьев, на которых не может зародиться никакого блеска; поэтому в силу необходимости, будучи не в состоянии отразить противостоящие предметы, они передают глазу только свой истинный природный цвет, не искаженный телом, освещающим их противоположным цветом, как, например, краснотою солнца, когда оно заходит и окрашивает облака в свой собственный цвет.

Т.Р. 654.

Никакое тело никогда всецело не обнаружит свой природный цвет.

То, что здесь утверждается, может происходить по двум различным причинам: во-первых, это случается от посредствующей среды, которая внедряется между предметом и глазом; во-вторых, когда предметы, свещающие названное тело, имеют в себе какое-нибудь цветовое качество.

Та часть тела явила бы свой природный цвет, которая была бы освещена бесцветным источником света и которая при таком освещении не видела бы другого предмета, кроме названного светового тела, того никогда не случается видеть, разве только на предмете голубого цвета, который на очень высокой горе, и так, чтобы он не видел другого предмета, был бы положен на гладкой поверхности обращенным к небу, и так, чтобы солнце, заходя, было заслонено низкими облаками, а сукно было бы цвета воздуха. Но в этом случае я должен сам себе возразить: ведь красноватый цвет усиливает свою красоту, когда солнце, которое его освещает, краснеет на западе вместе с заслоняющими его облаками; и, конечно, этом случае [эта окраска] могла бы быть признана подлинной потому, что если красноватое, освещенное, краснеющим светом, обнаруживает большую красоту чем при других условиях, то это признак того, что свет иного цвета, чем красный, у него отнял бы его природную красоту.

Т.Р. 692.

Белый цвет, не видящий ни падающего света, ни какого-либо сорта света отраженного, является тем который прежде других целиком теряет в тени свой собственный природный цвет, если бы белый можно было назвать цветом. Но черный усиливает свой свет в тенях и теряет его в освещенных своих частях, и тем более его теряет, чем более сильному свету видна освещенная часть. Зеленый и голубой усиливают свой цвет в полутени; а красный и желтый выигрывают в цвете в своих освещенных частях, и то же самое делает белый; а смешанные цвета причастны природе цветов, входящих в состав такой смеси, то есть черный, смешанный с белым, создаст серый, который некрасив ни в предельных тенях, как простой черный, ни в светах, как простой белый, но его высшая красота находится между светом и тенью.

Никакая вещь не является в своей природной белизне, ибо окружение, в котором ее

видят, делает ее для глаза настолько более или менее белой, насколько это окружение будет более или менее темным. И этому нас учит луна, которая днем нам представляется мало светлой, а ночью такой блестящей, что она, прогоняя мрак, являет собой подобие солнца и дня; и это происходит от двух вещей: первая - это контрасты в природе, которая нам являет вещи настолько более совершенными в образах их цветов, насколько более эти цвета между собой отличны; вторая - это то, что ночью зрачок больше, чем днем, что уже доказано, а больший зрачок видит световое тело в большем размере и с более превосходной яркостью, чем меньший зрачок, как может убедиться в этом тот, кто смотрит на звезды сквозь маленькое отверстие, сделанное в бумаге.

Т.Р. 629.

Удаленный от глаза белый предмет чем больше отдаляется, тем больше теряет свою белизну, и особенно когда его освещает солнце, так как он причастен цвету солнца, смешанному с цветом воздуха, располагающегося между глазом и белизной. И этот воздух, если солнце на востоке, кажется мутно-красным благодаря парам, которые в нем поднимаются; но если глаз обратится на запад, то увидит только, что тени на белом причастны синему цвету.

Т.Р. 630.

Тени удаленных предметов тем более будут причастны синему цвету, чем они сами по себе будут темнее и отдаленнее. И это случается благодаря промежуточной светлоте воздуха, простирающегося перед темнотой затененных тел, которые расположены между солнцем и глазом, видящим эту темноту; но глаз обратится в сторону противоположную солнцу, он не увидит такой синевы.

Т.Р. 644.

Очень редки те тени на непрозрачных телах, которые были бы подлинными тенями освещенной стороны.

Это доказано седьмым положением четвертой книги, которое говорит, что поверхность всякого теневого тела причастна цвету противоположащего ему предмета. Следовательно, цвет освещенного лица, имея в качестве противоположащего предмета черный цвет, будет причастен черным теням, и так же будет с желтым, зеленым, синим и всяким другим цветом ему противоположащим. И это бывает по той причине, что всякое тело отсылает свой образ по всему окружающему воздуху, как уже доказано в перспективе и как это видно на опыте с солнцем: все предметы, ему противостоящие, причастны его свету и отражают его на другие предметы, как это мы видим на луне и других звездах, которые на нас отражают свет, данный им солнцем. И то же самое делает мрак, ибо он облакает в свою темноту все, что в нем заключается.

Т.Р. 645.

Мы можем сказать, что почти никогда поверхности освещенных тел не бывают подлинного цвета этих тел.

Седьмое положение четвертой книги говорит о причине того, что здесь утверждается, и указывает еще на то, что когда лицо, помещенное в темное место, освещено с одной стороны воздушным лучом, а с другой - лучом зажженной свечи, то оно, без сомнения, покажется двуцветным; и, прежде чем воздух увидал это лицо, освещение зажженной

свечи казалось его подлинным цветом, и так же обстоит дело со светом воздуха.

Если ты возьмешь белую полоску, поместишь ее в темное место и направишь на нее свет из трех щелей, то есть от солнца, от огня и от воздуха, такая полоска окажется трехцветной.

Т.Р. 767.

В этом отношении ты должен обращать сугубое внимание на вещи, окружающие тела, которые ты хочешь изобразить, согласно первому положению четвертой книги, доказывающему, что поверхность всякого затененного тела причастна цвету противоположащего ей предмета. Однако следует искусно применяться к тому, чтобы теням зеленых тел противопоставлять зеленые предметы, как, например, зеленый луг и подобное подходящее [окружение], для того чтобы тень, будучи причастна цвету такого предмета, не выродилась и не показалась тенью другого, не зеленого тела. Ибо, если ты поставишь красный освещенный предмет против тени, которая сама по себе зеленая, эта тень покраснеет и даст такой теневой цвет, который будет весьма безобразным и сильно будет отличаться от истинной тени зеленого. И то, что здесь говорится об этом цвете, разумеется и обо всех остальных.

Т.Р. 248.

Свет огня все окрашивает в желтое; но это не будет так казаться, если для сравнения здесь нет предметов, освещенных воздухом; такое сравнение можно сделать под конец дня или же, еще лучше, после утренней зари, а также если в темной комнате освещать предмет через одну щель воздухом, а через другую щель светом свечи; в таком месте, конечно будут ясно и отчетливо видны их различия. Но без такого сравнения никогда нельзя будет распознать их различий, за исключением тех цветов, которые наиболее подобны, но тем не менее различимы, как, например, белый от светло-желтого, зеленый от синего, так как желтоватый свет, освещающий синее, как бы смешивает вместе синее и желтое, которые составляют прекрасное зеленое; а если ты смешаешь потом желтое с зеленым, то оно будет еще более прекрасно.

Никогда цвет тени какого-либо тела не будет настоящим, собственным цветом тени, если предмет отбрасывающий тень, не будет цвета тела, им затеняемого.

Скажем, например, что у меня есть жилище с зелеными стенами. Я говорю: если в этом месте будет видно синее, которое освещается светлотой синего воздуха, то тогда эта освещенная стена будет очень красивого синего цвета; тень же будет безобразной и не настоящей тенью этой красоты синего, так как она искажается зеленым, который в нем отражается. И было бы еще хуже, если бы такая стена была цвета темной охры.

Т.Р. 702.

О ложном цвете теней непрозрачных тел. Когда непрозрачное тело отбрасывает свою тень на поверхность другого непрозрачного, освещенного двумя различными источниками света, тогда эта тень не покажется [того же цвета], как это непрозрачное тело, но [цвета] другой вещи.

Доказательство: пусть n - непрозрачное тело, и пусть оно само по себе белое и освещено воздухом a и огнем c ; между огнем и непрозрачным телом пусть будет поставлен предмет o , тень которого пересекается поверхностью в d ; теперь красный

свет огня уж больше не освещает это место dn , но его освещает синева воздуха; поэтому поверхность от d до n воспринимает синий цвет, а от e до f видит огонь. Таким образом, синяя тень граничит внизу с краснотой огня на этом непрозрачном теле, а наверху граничит с фиолетовым цветом, так как от d до e освещено смешанным светом, составленным из синевы воздуха ab и красноты огня qs , что дает почти фиолетовый цвет. И таким образом мы доказали, что эта тень ложная, то есть что она не есть ни тень белого, ни тень от красноты, ее окружающей.

Т.Р. 703.

Тени тел не должны быть причастными иному цвету, кроме цвета тела, на котором они лежат. Таким образом, ввиду того, что черное не включается в число цветов, от него производятся тени тел всевозможных цветов с большей или меньшей степенью темноты требуемой в данном месте, никогда не теряя целиком цвет названного тела, за исключением совершенно темных мест, лежащих в границах непрозрачного тела. Поэтому ты, живописец, желающий писать портрет покрась немного стены своей мастерской белым, смешанным с черным, потому что белое и черное не являются цветами.

Т.Р. 701.

Черные одежды делают [обнаженные места у] людей более рельефными на вид, чем белые одежды, это происходит согласно третьему положению девятой книги, которое гласит: «поверхность всякого прозрачного тела причастна цвету противолежащего ему предмета». Отсюда следует, что части лица, которые видят черные предметы и видимы ими, окажутся причастными этому черному, и поэтому тени будут темными и резко отличающимися от освещенных частей этого лица.

Но белые одежды сделают тени лица причастными их белизне, и поэтому части лица тебе покажутся мелорельефными из-за того, что их светлые и темные места составят лишь небольшую разницу между собою. Отсюда следует, что в таком случае тень на лица не будет подлинной тенью тела.

Т.Р. 238.

Черные одежды заставляют тело на изображении человека казаться блее, чем в действительности, белые одежды заставляют тело казаться темным, желтые одежды заставляют его казаться цветным, а в красных одеждах оно кажется бледным.

Т.Р. 785.

Если будешь изображать белое тело, окруженное большим количеством воздуха, то обращай внимание на цвета противостоящих ему предметов, потому что белое не имеет в себе никакого цвета, но частично окрашивается и переходит в цвет, ему противостоящий. Если увидишь в открытой местности женщину, одетую в белое, то та ее сторона, которая будет видна солнцу, будет настолько светлого цвета, что на нее будет даже несколько больно смотреть, как на солнце. А та ее сторона, которая будет видима воздуху, освещенному солнечными лучами, в него вплетенными и его пронизывающими, покажется отливающей в синий цвет - вследствие того, что воздух сам по себе синий. Если же на близкой поверхности земли будет луг и женщина очутится между лугом, освещенным солнцем, и самим солнцем, то ты увидишь, как те части складок, которые

могут быть видимы лугу, окрасятся лучами, отражающими цвет этого луга. И так будет она меняться в цвете от соседних освещенных и неосвещенных предметов.

Т.Р. 86..

Фигуры каждого тела принуждают тебя брать то освещение, при котором ты задумал изобразить эти фигуры; если ты, например, задумал такие фигуры в открытом поле, то они должны быть окружены большим количеством света, когда солнце скрыто; если же солнце видит данные фигуры, то тени их будут чрезвычайно темны по отношению к освещенным частям и у теней, как у первичных, так и у производных, будут резкие границы; такие тени будут мало соответствовать светам, так как с одной стороны их освещает синева воздуха и окрашивает собою ту часть, которую она видит, - особенно это обнаруживается на белых предметах, - а та часть, которая освещается солнцем, оказывается причастной цвету солнца; ты видишь это весьма отчетливо, когда солнце опускается к горизонту среди красноты облаков, так как эти облака окрашиваются тем цветом, который их освещает; эта краснота облаков вместе с краснотою солнца заставляет краснеть все то, что принимает их свет; а та сторона тел, которую не видит эта краснота, остается цвета воздуха, и тот, кто видит такие тела, думает, что они двуцветны. И поэтому ты не можешь, показывая причину таких теней и светов, избежать того, чтобы сделать тени и света причастными вышеозначенным причинам; если же нет, то прием твой пуст и фальшив.

Если же твоя фигура находится в темном доме и ты видишь ее снаружи, то у такой фигуры темные и дымчатые тени, если ты стоишь на линии освещения; такая фигура прелестна и приносит славу своему подражателю, так как она чрезвычайно рельефна, а тени мягки и дымчаты, особенно в той части, которую меньше видит темнота жилища, так как здесь тени почти неощутимы. Основание будет приведено на своем месте.

Т.Р. 700.

Все отдаленные цвета будут неразличимы в тенях, потому что вещь, не затронутая основным светом, не имеет силы отослать от себя глазу свой образ через освещенный воздух, так как меньший свет побеждается большим. Пример: мы видим, находясь в доме, все краски на поверхностях стен воспринимаются нами ясно и определенно, когда окна названного жилища открыты. Если же мы выйдем из этого дома и некотором отдалении посмотрим сквозь эти окна, чтобы снова увидеть живопись на этих стенах, то вместо этой живописи мы увидим сплошную темноту.

Т.Р. 661.

Тени и света на полях причастны цвету их причин, поэтому что темнота, вызванная плотностью облаков, не только лишает предметы, на которые она падает, солнечных лучей, но и окрашивает то, чего они касаются. Но окружающий воздух, вне облаков и теней, видит и освещает это же место и заставляет его быть причастным синему цвету, и проникнутый солнечными лучами воздух, который находится между темнотой названной тени на земле и глазом, ее видящим, окрашивает со своей стороны это место синим цветом, ибо доказано, что синева воздуха рождается светом и мраком. Но часть полей, освещенная солнцем, причастна цвету воздуха и солнца, в особенности же цвету воздуха, потому что, будучи ближе, он играет большую роль и, в отношении глаза, служит фоном бесчисленных солнц. И эти поля тем более причастны синеве, чем они

отдаленнее от глаза; а эта синева будет тем светлее, чем выше она поднимается на горизонте; происходит же это от влажных испарений. Вещи бывают менее заметны в тени, чем на свету, а всесторонний свет охватывает собой затененные тела и заставляет их казаться лишь незначительно выпуклыми, когда глаз расположен между источником света и затененным телом; тень для такого глаза невидима. Но сбоку стоящие тела будут при такой погоде в тем большем или меньшем количестве показывать свои света, чем они будут ближе или дальше от прямой линии, протягивающейся от одного к другому горизонту, проходя через оба глаза, смотрящие на такое поле.

Т.Р. 710.

О тенях на лицах [людей], проходящих по размытым улицам, - каковые тени не кажутся согласованными с их телесным цветом: то, о чем говорится, бывает, ибо часто лицо - яркое или бледное, а тени - желтоватые. И это бывает оттого, что мокрые улицы желтеют больше, чем сухие, и что части лица, обращенные в сторону такой улицы, окрашиваются желтизной и темнотой улицы, им противолежащей.

Т.Р. 205.

Когда одна прозрачная краска лежит поверх другой краски, то она ею изменяется и там образуется смешанная краска, отличная от каждой из простых, ее составляющих. Это видно на дыме, выходящем из камина. Когда дым находится против черноты этого камина, то он становится синим, а когда он поднимется против синевы воздуха, то кажется серым или красноватым. Также пурпур, нанесенный поверх лазури, становится фиолетового цвета; и когда лазурь будет нанесена поверх желтого, то она станет зеленой, а шафрановая желтая поверх белого становится желтой. И светлота поверх темноты становится синей, тем более прекрасной, чем более превосходны будут светлое и темное.

Т.Р. 191.

Для тех красок, которым ты хочешь придать красоту, всегда предварительно заготовляй светлый грунт. Это я говорю о прозрачных красках, так как непрозрачным краскам светлый грунт не поможет. Этому учат нас на примере разноцветные стекла, которые, если их поместить между глазом и светоносным воздухом, кажутся исключительно прекрасными, чего не может быть, если позади них находится темный воздух или иной мрак.

Т.Р. 211.

Зеленая, приготовленная из меди, даже если эта краска стерта с маслом, испаряется со своею красотою, если не будет немедленно покрыта лаком. Но она не только испаряется; если она будет вымыта губкой, намоченной в самой простой и обыкновенной воде, то эта медная зелень отстанет от доски, на которой она написана, и особенно в сырую погоду. И это происходит потому, что такая медная зелень образуется силою соли, которая с легкостью растворяется в дождливую погоду, и в особенности если она намочена или вымыта вышеназванной губкой.

С.А. 214 r.

Чтобы сделать индиго. Возьми цветов синили и крахмала в равных долях, и замешай

Автор: К.Д.В.

03.04.2009 10:18 - Обновлено 22.04.2009 04:13

вместе с мочой и уксусом, и сделай из этого порошок, и высуши его на солнце, и, если это окажется слишком белым, добавь цветов синили, делая пасту той темноты цвета какая тебе потребна.

С.А. 244 v.

Для жёлтой глазури:

унций 1 - цинковой окиси

3/4 - индийского шафрана

1/4 - буры

и все вместе разотри

Потом возьмишь:

3/4 бобовой муки

3 унции сухих крупных фиг

1/4 воробьиных ягод и немного меду

и смешай и сделай пасту

С.А. 262 r.

Чтобы получить красивый зеленый цвет: возьми зелень и смешай с мумией и получишь самую темную тень; потом для более светлой - зелень и охру, а для еще более светлой - зелень и желтую, а для светов - чистую желтую; потом возьми зелень и индийскую шафранную и лессируй поверх всего. Чтобы получить красивый красный цвет: возьми киноварь, смешанную со жженой охрой, - для темных теней, а для более светлых - аматит и минимум, а для снегов - один минимум, потом лессируй хорошими белилами...

С.А. 313 v.

Желтый - из всех его цветов первый шафран.

S.K.M. III, 53 r.

Возьми порошок чернильного ореха и купорос и покрой им равномерно бумагу, как лаком, затем пиши пером, смоченным слюной, и будешь делать черно, как чернилами.

В. 3 v.

Помни, как водка вбирает в себя все цвета и запахи цветов, и если хочешь получить голубой - положи в нее цикорий, а для красного - маки.

С.А. 313 v.

Красное - маки, сухие и в порошке. Цикорий, сухой дрок и все цветы.

F. 96 v.

Медная зелень с алоэ, или с желчью, или с индийским шафраном дает прекрасную зелень, а также шафран или жженный орпимент, но боюсь, что она скоро будет чернеть.

A. 1 r.

Для приготовления доски, чтобы на ней писать, дерево должно быть кипарисом, или грушей, или рябиной, или орехом; ты укрепить ее мастикой и смолой, дважды

очищенной, и белилами или, если хочешь, известкой и поместишь в раму, чтобы она могла раздаваться и ссыхаться в зависимости от сырости или сухости; потом ты дважды или трижды дашь ей царской водки с раствором мышьяка или сулемы, потом дашь ей кипящего льняного масла так, чтобы оно всюду проникло, и, прежде чем она остынет, слегка протри ее суконкой, чтобы она казалась сухой, и сверху стеклом наложи жидкий лак и белила; потом, когда высохнет, облей мочой и высуши, а затем смахни пыль, и тонко прочерти свою прорись, и положи сверху подмалевок из 30 частей медной зелени и [или?] из одной части медной зелени на две части желтой.

С.А. 109 v.

Знай, что все масла, которые рождены в семенах и плодах, по природе своей очень светлы. Желтый же цвет, который ты видишь, происходит только от неумения извлечь из него огонь и теплоту его природы; если насильно заставлять его принимать тепло, он следует примеру древесных соков и клеев, которые, если содержат смолу, в короткое время твердеют, потому что в них больше тепла, чем в масле, а через долгое время они принимают желтоватый цвет, переходящий в черный. Но масло, не имея столько тепла, не производит этого действия, хотя оно несколько и твердеет; тем не менее все же эта перемена [цвета] масла [сама по себе] красивее, чем когда она бывает в живописи; происходит же это не от чего другого, как от некоего мякиша, подобного сердцевине и приросшего к оболочке, в которую заключен орех; а так как оболочка эта толчется вместе с орехами, а мякиш ее по природе своей почти что подобен маслу, он с ним смешивается, и он настолько тонок, что имеет силу проникать и проступать через все краски, и это то, что заставляет их меняться; если же ты хочешь, чтобы масло имело вид хороший и не густело, впусти в него немного камфары, растворенной на медленном огне, и как следует смешай ее с маслом, и оно никогда не загустеет.

Орехи, размоченные в течение шести часов в щелоке, имеют способность его окрашивать и заставить его потемнеть, а потом хорошо было бы, прежде чем толочь их, менять щелок каждые шесть часов до тех пор, пока щелок не станет прозрачным, и затем слить его, и вместо щелока взять чистую воду, и делать так же, как ты делал со щелоком, до тех пор, пока вода не станет прозрачной, и потом оставить их там, пока они не треснут; а в остальном продолжай, как было сказано выше, и масло получится у тебя отличное и очень тонкое и отличное...

С.А. 4 v.

Так как орехи завернуты в некую оболочку, имеющую природу мякиша, то, ежели ты не отдерешь их, когда делаешь из них масло, мякиш этот окрашивает масло, и, когда ты его пускаешь в ход, мякиш этот отделяется от масла и выступает на поверхности картины, и это то, что заставляет ее меняться.

С.А. 97 v.

Чтобы сделать масло, пригодное для живописи. Одна часть масла, одна часть смолы первой [очистки] и одна второй.

О СВЕТЕ И ТЕНИ, ЦВЕТЕ И КРАСКАХ

Автор: К.Д.В.

03.04.2009 10:18 - Обновлено 22.04.2009 04:13

Леонардо да Винчи